

9(47):323.2.

Ч-49.

ПАМЯТНИКИ АГИТАЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТОМ I

Мор КМ / 1923

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ

ОРГАН СОЦИАЛИСТОВ-ФЕДЕРАЛИСТОВ
1880 — 1881 г.

2871.2

Вступительная статья О. В. Аптекмана

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . . 1923 . . . ПЕТРОГРАД

№ 5.

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЪЛ

ОРГАН СОЦІАЛИСТОВ-ФЕДЕРАЛИСТОВ

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ!

ПРИГОВОРЫ НАД СОЦІАЛИСТАМИ НАРОДНИКАМИ. *)

В Кіевском военно-окружном судѣ обвинялись в государственном преступленіи соціалисты-революціонеры, из которых дворянин Николай Щедрин, сын священника Алексѣй Преображенскій, дв. Елизавета Ковальская, сын кол. регистратора Павел Иванов, жена врача Софія Богомолец, двор. Иван Кашницов, саксонскій подданный Александр Доллер признаны виновными в принадлежности к тайному революціонному сообществу, дочь отставного поручика Марія Прпѣцкая—в знаніи о существованіи революціоннаго сообщества и недонесеніи о том властям и дворянка Софія Кузнецова—в имѣніи при себѣ революціонной брошюры. На основаніи указанной виновности, суд приговорил 29 мая 1881 года Щедрина и Преображенскаго к смертной казни через повѣшеніе, замѣненная каторжной работою без срока; Ковальскую—в каторгу без срока; Иванову—в каторгу 20 л.; Богомолец и Кашницова—в каторгу на 20 л., замѣненная первой 10лѣтней на заводах, а послѣднему—10лѣтней в крѣпостях; Кизера и Доллера—в каторгу на 20 л., замѣненная ссылкой на поселеніе в отдаленнѣйшія мѣста Сибири; Прпѣцкую—в каторгу на 15 л., замѣненная ссылкой на житье в Томскую губ. по 5 степени 31 ст. улож.; Кузнецову—аресту на 3 недѣли.

*) Печатая приговоры, произнесенные правительственными чиновниками над борцами за народное дѣло, редація расчитывает издать отчет об этих процессах отдѣльной брошюрой.

Лиц, арестованных при тип. «Чернаго передѣла», 29 сентября 1881 г. Петербургская Судебная палата, по особому присутствію с участіем сословных представителей в закрытом судебном засѣданіи приговорила дворянку Марію Константиновну Крылову 39 л. и купеч. сына Инокентія Павлинова Пьянкова 30 л. лишить всѣх особенных лично и по состоянію присвоенных им прав и преимуществ и сослать на житье в Иркутскую губернію с воспрещеніем всякой отлучки из мѣста, назначеннаго для их жительства, в продолженіи трех лѣт и выѣзда потом в другія губерніи или области Сибири в продолженіи десяти лѣт. Дворянина Петра Васильевича Тесленко-Приходько 24 л. лишить всѣх особенных, лично и по состоянію присвоенных ему прав и преимуществ и сослать на житье в Тобольскую губернію с воспрещеніем всякой отлучки из мѣста назначеннаго для его жительства, в продолженіи полутора года, выѣзда потом в другія губерніи и области Сибири в продолженіи пяти лѣт, Сына отставнаго подпоручика Василя Алексѣева Переплетчикова 27 лѣт по обвиненію в преступленіи предусмотренном 13 и 250 ст. о нак. признать по суду оправданным, подвергнув его на основ. 1008 ст. улож. тюремному заключенію на 4 мѣсяца.

С.-Петербург, 30 ноября 1881 г.

Вопрос о размѣщеніи и распредѣленіи сил партіи, вопрос существенный и сам по себѣ, получает тѣм большее значеніе в настоящее время, когда борьба новых назрѣвших народных и общественных потребностей с отживающим порядком вещей дѣлается все интенсивнѣе и становится ребром. Вопрос этот не впервые возникает для партіи и обсуждался уже с общей точки зрѣнія, как теоритически, так и практически. Как слѣдует разрѣшить его в виду фактическаго положенія дѣл и потребностей даннаго, нынѣ переживаемаго нами момента? Партія, без сомнѣнія, не представляется и не должна представляться арміей, к которой примѣнимы распоряженія главнокомандующаго, созерцающаго в зрительную трубу поле сраженія и направляющаго силы, сообразно с требованіями тактики и ходом битвы, то [2] на один пункт, то на другой, потому что и самая политическая дѣятельность партіи представляется

ареной борьбы на почвѣ назрѣвших народных требованій, но не полем сраженія. Однако, если перетасовывать, как колоду карт, в любой момент силы партіи невозможно, то по крайней мѣрѣ желательнo и вполне возможно опредѣлить на извѣстный промежуток времени путь, по которому наиболѣе цѣлесообразно могут располагаться наличныя и прирастающія силы.

Слѣдуетъ, нам кажется, признать аксіомой положеніе, что чѣм шире раскинется организація, чѣм глубже она проникнет в разные народныя слои, чѣм болѣе цѣпко она ухватится за интересы большаго числа мѣстностей, — тѣм положеніе партіи станет прочнѣе, вліяніе ея на судьбы страны значительнѣе, тѣм болѣе приобрѣтает она шансов на успѣх. Но с другой стороны нельзя отвергать и того, что если силы, особенно в государствѣ централизованном и управляемом деспотическою властью, болше сосредоточены на одном пунктѣ, на одном обобщенном интересѣ, то в этом пунктѣ именно приобрѣтается возможность болѣе интенсивнаго натиска на оплоты отживающаго режима. Поэтому, насколько наличное количество революціонных сил позволяет совмѣщать обѣ эти ближайшія цѣли — прочное занятіе позицій в народѣ и возможность рѣшительной и сосредоточенной борьбы на нѣкоторых выдающихся пунктах народной жизни, мы не станем смотрѣть узко на положеніе вещей и во что бы то ни стало тянуть непремѣнно всѣх в одну сторону. Наоборот, мы сознаем всю важность для народной партіи второй из указанных задач, но вмѣстѣ с тѣм, мы твердо увѣрены, что в настоящій момент роль ея, главным образом, сводится к постановкѣ и разрѣшенію первой.

Не будем повторять здѣсь общих теоретических соображеній и мотивов, которыми руководится Народная партія, указывая на первостепенную важность, именно для настоящаго времени, размѣщенія сил среди крестьянства и на первенствующее значеніе и настоятельность скорѣйшаго созданія мѣстных организацій, которыя могли-бы настолько слиться с сѣрой массой, чтобы ея проявляющимся требованіям придать болѣе интенсивное окрашиваніе. Увѣренность в справедливости указаннаго направленія вытекала и из тѣх основаній, которыя заставили нас признать в 3 № еще, что вся совокупность социальних условій народной жизни указывает на непосредственную близость

народных движеній, предзнаменуемых цѣлым рядом характерных признаков, — движеній, которыя в виду неорганизованности народа и отсутствія в нем яснаго, опредѣленнаго пониманія государственных и общественных отношеній, должны вылиться в форму частных бунтов, быстро потухающих вспышек.

Событія, которыя протекли пред нашими глазами в теченіи послѣдняго лѣта, как движеніе против бар в Вѣсьегонском уѣздѣ, Твер. губ. и еврейскіе беспорядки, служат новым подтвержденіем высказанных взглядов.

Народныя движенія, непосредственная близость и вѣроятность которых чувствовалась и была предсказана раньше, проявилась уже дѣйствительно; мы пережили начало их. Увѣренность в том, что дѣло на этом не станет и что продолженія их надо ждать впереди, получается как из того, что коренная причина, толкающая народ на путь бунтов и волненій, — экономическое разстройство страны продолжает существовать в прежней силѣ и прогрессировать, так и из общаго настроенія массы, которая так легко поддается, вѣрит и воспламеняется всевозможными слухами и толками, идущими в разрѣз с установленными порядками вещей, невыгодными для народа. Народ уже пробуждается от вѣковаго сна, но, не научившись еще различать истинных врагов и причины бѣдствія, он пока бросается на болѣе рѣзко бьющіе в глаза об'екты. Будучи порождено экономическими причинами общаго характера, движеніе на югѣ направилось против евреев, а не против эксплуататоров и защищающих их властей вообще, потому что національно-религіозная обособленность и юридическая безправственность евреев придает им по самой вѣшности рѣзкія отличія от массы. Но евреям, может быть, послужит утѣшеніем то, что движеніе против них является только прелюдией общаго и болѣе широкаго движенія. На вѣроятность этого, между прочим, указывают и историческія аналогіи. Во Франціи и Германіи, пережившія подобныя эпохи революціоннаго броженія раньше нас, евреи послужили для масс первым козлом отпущенія. Так поднимается движеніе против евреев во Франціи перед началом Великой Революціи, а в Германіи в началѣ 20-х годов с криками: ату его! поднимается сначала в Вюрцбургѣ и повторяется и в других нѣмецких городах.

Но и здѣсь, и там в это время зрѣла революція, час которой и не замедлил пробить!

Однако пока у нас народныя движенія, протекая без организованнаго участія соціально-революціонной партіи, имѣют, как свидѣтельствуют факты, пассивный характер, в них не проявляется опредѣленной попытки внесенія новых начал в государственный и общественный строй. Нечего и говорить, что подобный характер движеній является прискорбным как для самого народа, так и для партіи, стоящей за истинные народные интересы, так как, отвлекая вниманіе народа от самой сущности «хитрой механики», приспособленной для высасыванія соков из трудящихся классов, такія движенія вносят в его сознаніе ложныя тенденціи и предрасудки. Так, Весегонскій бунт и еврейскіе беспорядки, будучи порождены гнетом невыносимых экономических условий, по формѣ своей служат не столько однако выясненію народной мысли в этом отношеніи, сколько поддерживают нелѣпую идею [3] царизма и вносят в жизнь традицію національной вражды. Разумѣется, менѣе всего в таком характерѣ движеній можно винить народную массу. Масса как всегда осталась вѣрна себѣ, как всегда и вездѣ она руководилась непосредственными инстинктами, накипѣвшими чувствами и прямо осязаемыми, хотя поверхностно и ложно ими понятыми, интересами.

Поскольку здѣсь может быть рѣчь о винѣ, то она падает на революціонную интеллигенцію, которой до сих пор не удалось создаться в народѣ сознательнаго и сплоченнаго ядра, способнаго овладѣть движеніем в мѣстности и направить его. В теченіи вот многих лѣтъ интеллигенція относилась к дѣятельности в деревнѣ весьма неэнергично или и вовсе пренебрегала ею, бросала ее и сосредоточивала все силы в центрах. И до тѣх пор, пока партія не постарается наверстать потерянное в этом направленіи, до тѣх пор партія останется в сторонѣ от народных движеній и до тѣх пор частные бунты, не освѣщенные ясно поставленными требованіями и стремленіем к перевороту, имѣют немного шансов перейти в общенародное возстаніе, в побѣодосное революціонное движеніе, гдѣ народная кровь прольется за истинные народные интересы.

Да насколько дѣятельность в деревнѣ и не игнорировалась, партія долго не умѣла дать рациональной постановки

движенію в народ. До послѣдняго времени мы не научились еще смотрѣть на дѣло не с точки зрѣнія отдѣльных кружков, а с точки зрѣнія партіи, и почему-то оказываемся способными только к огульным, так сказать, сплошным рѣшеніям. Хватаясь за один излюбленный приѣм дѣйствія или за одно положеніе, мы фактически не признаем ничего внѣ его, а потом с подобною же односторонностью увлекаемся на другой путь; так, напр. если идти в деревню—значит идти чуть-ли не всѣм и сразу, и наоборот, если оставаться в городѣ—опять значит оставаться всѣм и каждому. Такая односторонность, совершенно неумѣстная в политической дѣятельности, заключает в себѣ полное непризнаніе как различія в характерах, склонностях и способностях людей, так и громаднаго разнообразія жизни и задач партіи.

Не слѣдует забывать, что до сих пор силы партіи черпались, главным образом, из интеллигентных кругов. А между тѣм рассчитывать (как ни важна дѣятельность в крестьянствѣ) на поголовное движеніе интеллигенціи в деревню, значит не только забывать другія задачи партіи, но и тѣшить себя утопіями. Миновали уже тѣ наивныя времена, когда каждый только-что оперившійся юноша или всякая барышня могли мечтать, что, помѣнявши тонкое бѣлье и платье нѣмецкаго покроя на холст и крестьянскій зипун, они станут полезными дѣятелями в деревнѣ, двигателями народнаго дѣла. То была пора высокаго энтузіазма при полной непрактичности, но давно пора уже усвоить рациональный и положительный взгляд на работу в деревнѣ, которая ставит дѣйствительно интеллигенціи трудныя условія.

Идти в деревню в видѣ рабочаго человѣка—подвиг, безспорно доступный лишь исключительным личностям из круга революціонной интеллигенціи. Но мы живем уже в такое время, когда самая глухая мѣстность нуждается в интеллигентном человѣкѣ. Нам не приходится здѣсь перечислять функціи и позиціи, которыя доступны и удобны для революціонной интеллигенціи, сознавшей важность и значеніе дѣятельности в деревнѣ. Но возможность стать в то или другое соотвѣтствующее положеніе требует извѣстной подготовки. Деревня (что составляет одну из ея свѣтлых сторон) не терпит людей, не приученных к полезному труду, и поэтому, кто не способен к постоянному

физическому труду, тот должен усвоить себѣ другое полезное и признаваемое таковым деревней ремесло. Да в значительном числѣ случаев это не представляет затрудненія и часто требует весьма незначительной затраты времени. Гораздо труднѣе другая сторона дѣла—необходимость выработать в себѣ соотвѣтствующія деревенской дѣятельности качества характера, соотвѣтствующій нрав, выдержку, терпѣніе и любовь к той среде, которая должна охватить вас цѣликом, средѣ, в которой рядом уживаются самыя непримиримыя противорѣчія, гдѣ свѣтлыя идеалы нерѣдко облакаются в чудовищную форму темных предрасудков, которая вдобавок может и встрѣтит вас недружелюбно и с недоумѣніем. Указывая молодежи на необходимость такой подготовки и такого самовоспитанія, партія не может упускать из виду, что для этого требуется отчасти и природная склонность и, что среди интеллигенціи всегда существовала, существует и будет существовать извѣстная часть, достаточно, может быть, одаренная в других отношеніях, но для которой закал характера, необходимый в деревнѣ, останется всегда недосыгаемым, и которой не в моготу будет однообразная, часто монотонная жизнь деревни. Слѣдует ли из этого, что такіе люди являются элементом непригодным для народно-революціонной дѣятельности, что им не найдется роли в жизни или что роль эта может заключаться единственно в политической агитаціи? Слѣдует ли из этого, что им во что бы то ни стало надо насиловать себя и двигаться в деревню? Достаточно поставить эти вопросы и отвѣтъ является яснѣе дня. Жизнь с ея требованіями так сложна, задача революціонера так многообъемлюща, что каждая искренняя и преданная народному дѣлу сила может всегда найти вполне соотвѣтствующую ея склонностям и способностям точку приложенія.

Спрашивается, не приходим ли мы в противорѣчіе с жизнью, не опровергаем ли мы тѣ основанія, которыми аргументировалось и защищалось главенствующее и преобладающее значеніе для партіи деревен[4]ской дѣятельности? Мы глубоко убѣждены в жизненности и безошибочности того теченія, которое увлекло и увлекает молодежь в деревню, мы видим в этом залог будущей независимости народа и прочнаго водворенія в общественный строй справедливых начал. В настоящее время мы поддерживаем это убѣжденіе не только в силу общих социологических и исто-

рических истин, не только в силу условій русскаго экономическаго строя, гдѣ на первый план выступает крестьянство с его требованіями, но и в силу того, что ближайшее будущее чревато народными движеніями, на которыя в том или другом направленіи должна оказать вліяніе партія, внести в которыя сознательную мысль и оформленныя требованія составляет основную задачу партіи. Будем помнить, что исторія создается не заговорами, народными стремленіями, что заговоры часто проходят безслѣдно и даже безвѣстно, а народныя движенія всегда оставляют за собою глубокой, долгопамятный слѣд. Правда, вліяніе на движеніе русской народной массы может быть доступно только мѣстным людям и мѣстным группам. Правда, в настоящее время партія может выдвинуть в деревню контингент интеллигентных сил, который по своей сравнительной малочисленности имѣет значеніе крупинки, брошенной в море. Но развѣ это может поколебать положеніе народнической программы? Развѣ от этого обстоятельства колеблются численныя отношенія и взаимное значеніе крестьянства и городских классов, исчезает наличность широко распространенных и по существу революціонных требованій крестьянства, как и неформленность городского рабочаго класса?

Слѣдует помнить, что партія работает не только для настоящаго, но и для будущаго, что процесс заселенія деревни по самой природѣ своей должен быть не острым, а хроническим, что эта задача, которая может быть выполнена лишь постепенно, по частям. Как ни малочислен был бы контингент людей, могущих в настоящее время занять позиціи в мѣстности, но, без сомнѣнія, их роль будет вполне плодотворной; настроеніе деревни именно таково, что каждое отдѣльное лицо, если только оно удовлетворяет требованіям деревни, может получить громадное вліяніе, сдѣлаться крупным фактором.

Если интеллигенція может выдвинуть пока немного сил в деревню, а жизнь указывает на первостепенное значеніе этой задачи, положеніе партіи вовсе не является безвыходным. Здѣсь то и выступает рельефно роль тѣх сил, которыя вслѣдствіе извѣстных условій, свойств темперамента, способностей и склада ума должны образовать собою контингент городских дѣятелей. Не говоря здѣсь о других сложных и трудных задачах,

выпадающих на долю именно такого, специально даже по своей организации приспособленного к ним контингента сил, дѣятельность его в настоящее время приобретает громадное значение тѣм, что она может поддержать революц. работу в деревнѣ не только, так сказать, посредственно, но и непосредственно. В последнем отношеніи задача этого контингента главным образом должна свестись к дѣятельности среди городских рабочих.

Большой раздѣл рабочих, которых мы для краткости назовем общим именем фабричных, всѣми своими помыслами, упованіями и интересами тяготеет, как известно, к деревнѣ; рабочіе этой группы не порвали и своей экономической связи с деревней и с землей и являются в городѣ лишь временным населеніем, пригнанным нуждой для срочных заработков. Эти кочевники конца 19-го столѣтія являются наиболѣе раззоренным, нуждающимся классом крестьян, от остальной массы которых они отличаются развѣ большею бѣдностью, нѣсколько болѣе развитым, благодаря переѣздам и городской жизни, міровоззрѣніем, но в них еще живучи крестьянскіе устои и упованія. Всею совокупностью условий их жизни воспитывается в них восприимчивость к пропагандѣ народной революціи, и, раз коснется их в городѣ революц. работа, они, вернувшись в села и деревни, становятся сильной подмогой мѣстным силам и могут значительно пополнить их ряды. Там, в роли деревенских агитаторов, они являются вполне на своем мѣстѣ, будучи своими, хорошо известными людьми для деревни и естественными соотарищами по революціонной дѣятельности для мѣстной интеллигенціи. Соединившись с интеллигенціей, поселяющейся в деревнѣ, такой контингент дѣятелей дал бы возможность довольно скоро создать в мѣстностях сознательное и вмѣстѣ с тѣм значительное по количеству ядро партіи. Отсюда ясна практическая важность и настоятельность (даже с точки зрѣнія деревенской дѣятельности) работы в городѣ среди фабричных.

Другая группа рабочих чисто городских, потерявших связь с крестьянством, не сложились еще в класс с опредѣленными специфическими требованіями, с сознанием общей солидарности, общности интресов. Работа среди них имѣет значение для партіи: во 1-х, как мѣстная дѣятельность среди трудящихся масс вообще, во 2-х, как возможность созданія среди них рев.

агитаторов, значительно ближе, нежели интелл. молодежь, стоящих к массѣ фабричных и по своему положенію и по степени и складу умственного развитія.

Исходя, таким образом, из настоятельности и первостепенной важности агитаціонно-организаторской работы в массѣ крестьянства, мы указали из кого из кого и каким образом могут создаться многочисленные кадры деревенских дѣятелей и в виду важности этой же цѣли свели дѣятельность городских сил главным образом к пробужденію и созданію рабочаго движенія. Допуская группировку сил, вытекающих из самих условий нашей жизни и настоящего положенія дѣл, мы думаем, что она является и наиболѣе цѣле[5]сообразной и естественной, так как она не пытается ломать сложившіеся темпераменты, выработанные характеры и насиловать склонности и способности людей.

Передовая статья «№ 4 Ч. П.» породила среди читающих недоразумѣнія отчасти по самому выбору темы, трактующей о частном приѣмѣ борьбы, отчасти вслѣдствіе попадающихся в ней неловких выраженій, дающих повод понимать в невѣрном всѣтѣ отношеніе партіи к террору. Помѣщаемое ниже письмо нашего товарища, взгляды котораго и мы вполне раздѣляем, обясняет источник, дѣлающій возможным возникновеніе подобных недоразумѣній и разногласій из-за частных вопросов.

Что касается собственно террора, то попытка возвести его в универсальное средство борьбы, на основаніи узкаго, ограниченного опыта и, может быть, ошибочнаго пониманія условий одной мѣстности, нельзя не считать неудачной. Террор, как орудіе общественной борьбы, имѣет для партіи такое же значеніе, как и всякій иной практическій приѣм борьбы, нѣ больше и не меньше, и вопрос о том, практиковать-ли его или нѣт и в каких размѣрах, должен разрѣшаться каждою мѣстною группою для себя особо. С общей-же точки зрѣнія о нем возможно только сказать, что политическій строй подобный русскому, основанный на насиліи и поддерживаемый штыком и кнутом, дѣлает необходимым проявленіе террора, как реакцію насилію и удобную форму активной борьбы. Что же касается террора, как средства создать почву для массовой агитаціи, то такое значеніе

он действительно может получить там, где в массе народа сложились общия и определенныя требованія; напр. в Ирландіи, где вѣсть о каждом новом фактѣ, проносясь по всей странѣ, встрѣчаетъ вездѣ одинаковое пониманіе и сочувствіе. У насъ к такому положенію вещей в большей степени приближается крестьянская масса с ея однородными, общими требованіями. Вот почему, надо полагать, аграрный терроръ долженъ получить и большее распространеніе и болѣе вѣрное пониманіе, чѣмъ терроръ фабричный.

ПИСЬМО НАРОДНИКА.

Не один и не два раза толковалось в «Ч. Пер.», а также и в тѣхъ из предшествовавшихъ ему органовъ, продолжателемъ народническихъ тенденцій которыхъ служитъ онъ, о непосредственно-практической программѣ дѣятельности народника-соціалиста. В таковой программѣ всѣ частныя положенія группируются естественнымъ образомъ в два отдѣла: с одной стороны, выясняются тѣ практическія требованія, которыя могутъ быть пред'явлены от имени народа и именемъ его самому настоящему общественному порядку; с другой тѣ приемы, посредствомъ которыхъ эти установленныя, выясненныя народныя требованія могутъ быть осуществлены с возможно полнымъ успѣхомъ.

Сводя, все что было говорено по этому поводу мы встрѣчаемся с большимъ разнообразіемъ мнѣній и взглядовъ, что, конечно, является слѣдствіемъ извѣстнаго умственнаго настроенія самой партіи. Такое положеніе вещей можетъ смутить и в действительности смущаетъ многихъ, но только тѣхъ, которые становятся народниками, не имѣя на то ни сильной конкретной любви къ свѣтлой сторонѣ народныхъ идеаловъ, ни достаточной мужественности нести на своихъ плечахъ трудное дѣло цѣлаго народа, а не одной какой-нибудь части общества. Но дѣло не в томъ. Отчего действительно происходитъ эта разнородность мнѣній по отношенію къ одному и тому же вопросу, къ однимъ и тѣмъ-же житейскимъ фактамъ, отчего происходитъ эта кажущаяся неорганизованность Народной партіи?

Мы считаемъ необходимымъ, нисколько не скрывая от публики, поставить эти вопросы и постараемся поискать причины, обуславливающія такое положеніе дѣла. Разъ мы ставимъ этотъ вопросъ прямо

крыто безъ всякихъ собо-

лѣзнованій, то тѣмъ самымъ показываемъ, нудь не видимъ в такомъ положеніи ни безвыходнаго состоян- ни ея яко-бы безсилія. Народная партія не можетъ выстави- емъ знамени столь простой и столь определенной лозунгъ, к- жетъ сдѣ- лать партія, боярщаяся за политическій перевор- му что лозунгомъ Народной партіи долженъ быть лозунгъ на- есть 80-ти миллионной массы людей, сложившихъ свое мнѣ- ніе мнровоззрѣ- ніе подъ вліяніемъ весьма различныхъ экономъ и историческихъ и вообще соціальныхъ и космическихъ. Эта масса не представляетъ и никоимъ образомъ не можетъ пр- лять что либо однородное, воодушевленное одними и тѣми же ципами и идеалами, достигшее одного и того же общественнаго волюціоннаго сознанія¹⁾. Эта масса есть то, чѣмъ ее сдѣлала сама жизнь в ея необ'ятномъ разнообразіи, и она есть также то, чѣмъ сдѣлала ее исторія, поступательное движеніе которой только в послѣднее время поддается кое-какимъ житейски-плодотворнымъ обобщеніямъ. Мы пойдемъ далѣе и скажемъ, что «если обобщеніе народныхъ требованій и желаній и возможно, то возможно именно, какъ обобщеніе цѣлаго огромнаго, весьма разнообразнаго ряда отдѣльныхъ конкретныхъ мѣстныхъ требованій и желаній, слѣдовательно возможно, какъ понятіе. Разъ такое обобщеніе мыслимо, какъ понятіе, то тѣмъ самымъ оно не можетъ быть мыслимо, какъ конкретно осуществимый фактъ, какъ конкретная программа. Положимъ вы достигли обобщенія народныхъ требованій в лозунгъ «Земля и Воля», вполне состоятельномъ с теоретической стороны, какъ понятіе, но этотъ лозунгъ очевидно не можетъ быть осуществленъ непосредственно в жизни до тѣхъ поръ, пока ему не будетъ дана конкретная осязательная форма, т. е. не будетъ создана конкретная мѣстная программа, соотвѣтствующая только даннымъ условіямъ, а не какимъ-либо другимъ и не всѣмъ вообще. Отсюда ясно, что программа практической дѣятельности можетъ быть и даже должно быть

¹⁾ В единственномъ, сохранившемся в Россіи, экземпляре № 5 «Черного Передела» страницы 5, 6, 7 и 8 оказались испорченными, почему и пришлось допустить пропуски словъ и даже цѣлыхъ фразъ в настоящемъ изданіи.

столько, сколько окажется разнообразных по своим сложившимся и слагающимся общественным отношеніям отдѣльных районов дѣятельности. И только тогда, когда будут созданы такія, скажем, конкретныя программы, возможно будет дать вполне обоснованную крѣпкую своим апостерьорным построением всеобщую программу, лозунгом которой будет «Земля и Воля». При таком взглядѣ на дѣло станет ясным, почему с одной стороны нѣтъ ясной, точной, детально разработанной народнической программы, и почему с другой возможны разнообразіе и даже кажущіяся противорѣчія в высказываемых до сих пор народниками мнѣніях. Их ошибка заключалась в том, что отдельныя, имѣющія приложеніе только при данных обстоятельствах положенія, они возводили иногда в принцип, в положеніе всеобщей программы. А за тѣм, конечно, вынесши из жизни новыя положенія, имеющія свой смысл существованія только при иных условиях, они опять и его готовы были внести в общую программу, и таким образом становились как-бы в противорѣчіи сами с собой. Сама жизнь показывает, что такая тактика, такое отношеніе к дѣлу служит только помѣхой этому послѣднему. Должно раз на всегда помнить, что дѣло Народной партіи будет обречено на гибель, раз оно будет построено по системѣ централизаціи; а только это послѣднее требует строго однородной конкретной программы. И так естественный ход созданія народнической программы должен идти в силу свойств самого дѣла от периферіи к центру и пока не будет существовать ряда конкретных программ, примѣнимых к извѣстным районам, созданных на мѣстах дѣятельности, до тѣх пор всякая общая народническая программа может играть роль объединителя людей с болѣе или менѣе однородным міросозерцаніем, но только объединителя, а не указателя того, что можно и должно дѣлать в той или иной мѣстности. Все сказанное нами относительно программы относится также и к различным приѣмам, предлагаемым для осуществленія этой программы. И здѣсь также распространеніе примѣнимых к одной мѣстности приѣмов на всѣ мѣстности, на всю Россію и осужденіе с другой стороны других приѣмов за то, что они оказались негодными при каких либо условіях, дало свой плодъ в видимой противоположности отдѣльных приѣмов, предлагаемых народнической программой.

Отнынѣ мы надѣемся, что Народная партія избѣгнет таких явленій тѣм, что признает не только теоретически, но и фактически полную автономію отдѣльных мѣстных групп в выработкѣ мѣстных программ, лишь-бы они не выходили из сферы отвлеченных, теоретических положеній народническо-соціалистической партіи. Это во-первых. Во-вторых, на всякую такую программу должно смотрѣть как на мѣстную, отнюдь не могущую претендовать на значеніе всеобъемлющей программы. Мы думаем, что такая постановка вопроса даст новый сильный толчок отдѣльным мѣстным группам, перенесши прерогативы руководства в своих дѣлах в самыя эти мѣстныя группы.

Таким путем, и только таким, народническое дѣло может обрѣсти ту почву, которая дает силу и бодрость перенести всѣ невзгоды и всю трудность настоящаго положенія народнаго дѣла. Отказываясь таким образом от формулированія всяких конкретных прогн, тавляя это дѣло инициативѣ мѣстных групп, мы выставяем теоретически-отвлеченныя положенія, которыя характери-

как народников:

альная революція, направленная к осуществленію народ аній, представляющих ступень к проведенію в жизнь ескаго идеала. альныя отношенія обуславливаются в главных чертах э ими, и только назрѣвшая в этих отношеніях революція огом успѣха революціи соціальной.

ой, соотвѣтствующій дѣйствительным народным интересам, ть осуществлен только сознательными и активными усилі ого народа, на что и должно быть обращено главным образом вниманіе народной партіи.

мѣя в виду именно послѣдній пункт, имѣя в виду, что образованіе в средѣ самого народа мѣстных революціонных групп, и видя только в этом истинно-крѣпкую постановку народнаго дѣла, мы полагаем необходимым для Народной партіи сосредоточить теперь всѣ свои силы на этом дѣлѣ, осуществляя его всевозможными способами. Поэтому нам кажется, Народная партія, продолжая организацію мѣстных городских групп

должна также усиленно заняться с одной стороны организацией вновь отправляющихся сил в провинцію, в деревню, а с другой, позаботиться собрать и сгруппировать всѣ тѣ разрозненные силы, которыя отправлялись в народ, однѣ, без всязей, без организации. *)

РЕФОРМЫ НОВАГО ЦАРСТВОВАНІЯ.

Кажется, ни одно правительство еще не стояло настолько ниже своей задачи и не оказывалось так мало достойным своей роли, как правительство «благополучно-царствующаго» Александра III. Заняв престол в трудное для Россіи время, новый самодержец проявляет такую растерянность, безпринципность и неумѣлость, которая и при нормальном положеніи страны способна были-бы породить цѣлый ряд замѣшательств. Смѣна фаворитов, шатаніе из стороны в сторону, практическая несостоятельность и нецѣлесообразность—вот чѣм характеризуется система настоящаго управления в цѣлом. Вялая, робкія полумѣры, носящія печать самаго грубаго обмана, неспособны никого ввести в заблужденіе, печать полной непригодности—вот признаки каждаго из предначертаній правительства в отдѣльности.

Не даром с именем Ал. III, до его «благополучнаго вступленія» на престол, общество связывало столько слащаво-либеральных упований. Дѣйствительно, не прошло еще года, как он занял свое тепленькое, хотя по нынѣшним временам нѣсколько рискованное мѣсто, как успѣлъ уже осуществить цѣлый план «конституціоннаго» порядка, притом реформа шла так медленно и незамѣтно, что, пожалуй, многіе «благополучные Россіяне» и до сих пор не подозревают своего «благополучія». А на самом-то дѣлѣ проведена почти полная «конституція», правда, уж на слишком оригинальных началах. Прежде всего участіе общества в дѣлах управления страны достаточно обезпечено—вот уже двоекрат-

*) Примѣч. Р е д. Автор письма, разъясняя характер и значеніе дѣятельности мѣстных провинціальных групп, оставляет открытым вопрос о связи между ними и организацией взаимных сношеній. Признавая значительную важность разработки указанных вопросов, мы надѣемся в слѣдующем номерѣ Ч. П. восполнить этот пробѣл.

ным приглашеніем свѣдущих людей для обсужденія предложенных правительством вопросов. А одно время, когда страх совѣм обуял правительственных дѣльцов, рѣшились было даже прибѣгнуть к выборной системѣ для составленія пресловутаго совѣта при градоначальникѣ. Выборы, как и слѣдует быть в благоустроенном государствѣ при заботливом начальствѣ, производились для порядка под непосредственным руководством полицейских чинов, которые сами собирали и считали голоса, подводили итоги и, для большаго удобства сами предлагали обывателям кандидатов и в 24 часа создали совѣт на славу. Несмотря, однако, на успѣх выборов, правительственные дѣльцы всетаки предпочли, как только немного пришли в себя, остановиться на системѣ приглашенія, как представляющей болѣе увѣренности в благонадежности «мужей совѣта» и гарантію от неприятных случайностей. Была бы честь оказана, а то не все ли равно, от кого именно выслушать «голос общества».

Но участіе народа (!) в управленіи страны это, как извѣстно, только одна сторона конституціоннаго режима. Великодушный и либеральный монарх не оставил в пренебреженіи и другой стороны—обезпеченіе личности и гарантію свободы, представляющей неизбѣжный признак всякаго истинно правомѣрнаго государства. С этою вот цѣлью обнародовано Положеніе о мѣрах к охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія и об'явленіе столицы и других мѣстностей в состояніи усиленной охраны. Правда, «положеніе» является только сводом прежде изданных для той же цѣли распоряженій и узаконеній, успѣвших уже заранѣе зарекомендовать свою «цѣлесообразность» в борьбѣ с крамолой. Но в нем встрѣчается и нѣчто как бы новое, напр., веденіе политических процессов при закрытых дверях. Фактически суды по государственным преступленіям никогда и раньше не велись гласно и открыто, но открытое признаніе этого является довершеніем цѣлой системы: с того момента, как на вас пал подозрительный взгляд полицейской ищейки, вы скрываетесь от глаз общества непроницаемой завѣсой. Арест, дознаніе, слѣдствіе, суд, самое отбытіе или исполненіе наказанія, все это совершается шито и крыто, в глухих стѣнах. Правительственным опричникам вполнѣ развязаны руки для темных дѣлишек и что поруккой, что система застѣнки не станет практико-

ваться в широких размерах?!... Как мало можно доверять нашему правительству и как сильно оно приобыкло к известнаго рода мани, может служить, между прочим, доказательством и то, что «положеніе» устанавливает для предварительнаго ареста двухнедѣльный и мѣсячный срок (какая Аркадія!); однако прошло уже болѣе 2 мѣсяцев со дня его обнародованія, а сотни людей, уже годы томившіеся под предварительным арестом, продолжают и теперь пользоваться «гарантиями» в стѣнах каземата.

Это еще не все. Одними заботами об «обывательских обязанностях», замѣняющих в россійском государствѣ права граждан», далеко не исчерпывается великодушіе и реформаторскій пошиб правительства. Оно стремится создать и экономическое благосостояніе народа, не даром вѣдь с помпой возвѣщалось, что новый царь посвятит себя внутреннему преуспѣянію страны и непрестанному попеченію о благѣ народа. И в экономической области сказалась та-же недобросовѣстность намѣреній, близорукость и ограниченность возрѣній, тот-же куриный полет мысли. Правительство и тут [7] не с'умѣло не только подняться до сколько-нибудь общей, широкой точки зрѣнія, но кругозора его не хватило даже для каких-нибудь резонных палліативных мѣр. Дипломаты, дающіе направленіе экономической политикѣ, не только не понимают причины экономического кризиса, но не постигают даже степени разоренія, доведшаго крестьянство до безвыходнаго положенія. Как «тонкіе дипломаты», привыкшіе к «тонкому обращенію», им прежде всего бросается в глаза «грубое пьянство» народа, и вот они видят в нем корень зла и толкуют про искорененіе его. Вот что значит попасть не в бровь, а прямо в глаз.

Основная причина полнаго разоренія крестьянской массы,— это недостаточный и плохой надѣл, заставляющій пахаря бесплодно выбиваться из сил над узкой, истощенной полосой, и под вліяніем еще беспощаднаго, полицейско-финансоваго гнета, лезть в кабалу к кулаку-эксплоататору. Надежда на поправленіе мужика может возникнуть только при устраненіи этой основной причины значительным расширеніем крестьянскаго землевладѣнія, рядом с которым только и приобрѣтают значеніе и другія мѣры, напр., уничтоженіе выкупных платежей, крупная сбавка с подати, открытіе кредита и т. д., которыя дадут народу немедленно перевести дух. А между тѣм, всѣ «проекты и предначер-

танія» правительства исчерпываются пока предполагаемым убавленіем выкупных платежей, вопросом питейным и переселенческим; ясно, что они могут имѣть ровно такое же значеніе, какое имѣет глоток морской воды для жаждущаго—они усилят недовольство и разожгут озлобленіе народа. Народ ждет помощи от царя, его вѣра в новый земельный надѣл становится все интенсивнѣе, и вдруг ему преподносят ничтожную сбавку с выкупных платежей, да к тому еще аттестуют от'явленным пьяницей. Не истощится-ли в конец долготерпѣніе народа? Ведь и без того «чаша с краями полна.»

От народа не скроется и то, к кому правительство обращается за совѣтом в дѣлѣ помощи народным нуждам, кто является представителем народных нужд. Господа, составившіе большинство выкупной комиссіи, высказавши явно крѣпостническія тенденціи, окончательно компрометируют правительство как в глазах народа, так и каждаго порядочнаго человѣка в отдѣльности. В крестьянствѣ и теперь как во времена освобожденія, сильна вѣра—и эту вѣру не так то легко искоренить—, что земля по праву принадлежит им, как это в самом дѣлѣ и есть с точки зрѣнія исторіи и справедливости. Когда цѣлым рядом насильственных и несправедливых актов крестьяне вмѣстѣ с принадлежавшей им землей были переданы в руки помѣщиков, это оправдывалось соображеніями яко-бы государственной пользы—дворяне несли тягость государственной службы, и правительство обезпечивало их матеріально, налагая известныя обязанности на земледѣльческій класс. Но раз государство освободило дворянское сословіе от обязательной службы, оно тѣм самым прекратило всякія претензіи помѣщиков к крестьянам и их землѣ. Когда исчезает источник права, должно пресѣчься и самое право. Однако верховная власть, столь часто ссылающаяся на свое единеніе с народом, не спѣшила с уничтоженіем крѣпостнаго права и удержала его, не смотря на протесты народа, вплоть до эпохи 60-х годов, когда масса стала проявлять слишком рѣзкіе признаки нетерпѣнія и готовилась покончить с ним насильственным путем. Но правительство предупредило грозу, убѣждая излюбленное дворянство, что лучше, «чтоб революція произошла сверху, чѣм с низу». Какіе результаты могла дать реформа, если Положеніе 19 февраля проэжгировали, редакци-

ровали и проводили на практикѣ сами помѣщики. Лучшую и большую часть крестьянскихъ земель отрѣзали помѣщикам, да крестьянъ еще за оставленные имъ клочки негодной земли заставили платить громадный выкуп. Редакціоннымъ комиссіямъ однако и тогда было неоднократно указано, что самъ царь смотритъ на выкупъ какъ на плату за землю, будто-бы отрѣзанную отъ помѣщичьихъ владеній, какъ на выкупъ личности или какихъ-нибудь обязательствъ с ея стороны. Тѣмъ не менѣе на практикѣ оцѣнка вездѣ была положена настолько высокая, что ходимо признать именно выкупомъ личныхъ повинностей произвольно установленнымъ для себя «безкорытнымъ» дворянствомъ.

Вотъ почему крестьяне имѣли слишкомъ достаточныя основанія и причины, когда встрѣтили освободительную реформу цѣлымъ рядомъ бунтовъ и волненій, видя в ней обманъ и ожидая впереди настоящей чистой, заправской воли. Крестьяне тогда не предполагали, что само правительство вводитъ ихъ в обманъ, теперь они начинаютъ убѣждаться в этомъ, а нескромныя разглашательства комиссіи могли подтвердить крестьянству, что оно до сихъ поръ еще связано узами крѣпостничества. Хорошая, нечего сказать, рекомендація для новаго правительства, которое склонно къ обманамъ болѣе прежняго, но къ обманамъ узкимъ, мелкимъ, не могущимъ по результатамъ даже идти в сравненіе съ тѣмъ, что такъ или иначе дали народу освободительныя и другія реформы прошлаго царствованія. Положеніе всякаго, отъ кого ожидаютъ болѣе, чѣмъ онъ можетъ дать, весьма невыгодно. А упованія на царя в сравненіи съ тѣмъ, что онъ в настоящее время предлагаетъ народу в видѣ подачи, настолько несоизмѣримы, что результатомъ необходимо будетъ усиленное развитіе скептицизма и разрушеніе идеи царизма в крестьянствѣ.

Общая сумма пониженія выкупныхъ платежей настолько незначительна, что какъ тамъ ее ни дѣли, с точки зрѣнія юридической, политической или экономической, какъ мудрствовали эксперты, а при распредѣленіи получится величина настолько малая, что ожидать отъ нея улучшенія положенія крестьянъ болѣе чѣмъ наивно. Если правительство уже задумало этимъ путемъ пытаться пріобрѣсть симпатію крестьянской массы, если бы ему хоть сколько-нибудь были дороги интересы крестьянъ, ему нечего

было спрашивать совѣта бар-крѣпостниковъ, в родѣ Самарина, надо было назначить по крайней мѣрѣ общую переоцѣнку платежей, чтобы согласовать ихъ с настоящей стоимостью земли, или прямо уничтожить всѣ платежи, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что в громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ крестьяне в теченіи 20-ти лѣтъ давно уже выплатили болѣе настоящей стоимости земли. Идя своимъ путемъ, правительство само побуждаетъ народъ бросить всякую надежду на крупныя реформы сверху, оно собственными руками подрываетъ вѣру в царя и играетъ на руку революціонерамъ.

Еще удачнѣе задумали другіе эконом. «проекты». Одна постановка вопроса о пьянствѣ характеризуетъ ширину воззрѣній правительства, его отношеніе къ экономическимъ, умственнымъ и нравственнымъ нуждамъ народа и то, какими мѣрами оно думаетъ помочь ему. Приписывать обѣдненіе крестьянства пьянству, при настоящемъ, охватывающемъ всю страну, экономическомъ и промышленномъ кризисѣ, это все равно, что приписывать разрушеніе зданія, построеннаго на негодномъ фундаментѣ, тому, что неосторожный прохожій ткнулъ его пальцемъ. [8] Статистическія цифры, какъ извѣстно, указываютъ напротивъ, что в Россіи народъ менѣе потребляетъ вина, чѣмъ в другихъ странахъ, а наука и опытъ говорятъ, что пьянство и закабаленіе кабатчикомъ не причина, а именно слѣдствіе экономическаго разоренія. Обвинять цѣлый народъ в пьянствѣ и приписывать этому нищету его—это абсурдъ. Существуетъ мнѣніе, что правительство ; является естественнымъ представителемъ народа и ; етъ в себѣ его качества. Если это вѣрно,—что ; ожно представлять собою правительство народа, ; ваемаго в повальномъ пьянствѣ, когда к тому

дства существованія этого правительства, его ; в доброй его части питается отъ питейныхъ сборовъ. Насколько дѣйствительны мѣры, проэктируемыя спаиванія народа,—объ этомъ не станемъ говорить. и однако не подчеркнуть того, что в рѣчахъ, бра ; ыхъ при открытіи совѣщанія къ свѣдущимъ людямъ, къ министрамъ внутреннихъ дѣлъ выразилъ надежду, что правильное направленіе питейной торговлѣ дано будетъ «безъ ущерба государству».

доходам», так и министр финансов напомнил, что хотя с одной стороны «интересы казначейства» должны уступить потребностям народной нравственности и народного благосостояния, но с другой стороны «финансовые интересы суть интересы народные»... Желательно, видите-ли, и Николаю-угоднику свѣчку поставить, и чорту службу сослужить.

По поводу вопроса о переселеніях этим-же свѣдущим людям раз'яснили, что переселенія крестьян вызываються далеко не одной нуждой и недостатком земли. Удивительно, как это «государственный ум», высказывающій подобныя соображенія, не продумал их глубже; вѣдь кочевые инстинкты исчезли у русскаго крестьянства, и никто, а тѣм менѣе земледѣлец, привязанный к своей полосѣ, без горькой необходимости не оставит родной стороны, праха предков и согрѣтаго уголка; люди, рѣшающіеся на переселеніе и притом не в одиночку, имѣют к этому слишком вѣскія причины экономическія или политическія, вообще соціальнаго характера. Оказывается еще, что во многих мѣстностях на югѣ крестьяне пріостановились в послѣднее время с своими стремленіями к переселенію, в виду того, что тревожныя явленія послѣдняго года снова возбудили усиленную надежду на предстоящій переѣл земель (см. № 4 Ч. П. корр. с юга). Пріятны такія вѣсти господину министру и насколько благоприятным признаком они являются для правительства?

И так, вот всѣ мѣропріятія и предначертанія, какими рекомендует от себя правительство новаго монарха. Не правдали цѣлая стройная система? Исходная точка ея—искорененіе крамолы. Путь—борьба непосредственная и посредственная. Посредственный путь—это уничтоженіе самых причин недовольства, питающаго и поддерживающаго крамольников, устраненіе с одной стороны недовольства общества «конституціонными мѣропріятіями», с другой—недовольства «народа» рядом экономич. реформ. Вмѣстѣ с тѣм идет и прямая непосредственная борьба с крамольниками, для большаго успѣха которой правительство между прочим озаботилось принять цѣлый ряд мѣр, рассчитанных на улучшеніе и усовершенствованіе самой правительственной организациі—сюда слѣдует отнести бѣгство с а м о г о в современную «Александровскую слободу», учрежденіе «святой дружины», для усиленія и расширенія сыскной части,

столь своевременное и умѣстное преобразованіе полицейской формы и введеніе бараньих шапок для поднятія умственнаго и нравственнаго уровня среди служащих полиціи, личныя перемѣны в высшем управленіи и т. д., и т. д... Ясно, что правительство не оставило крамолѣ ни почвы для дѣятельности, ни фактической возможности продолжать борьбу. Не даром газеты так много толковали про значеніе извѣстных личных перемѣн, происшедших в правит. составѣ. В государствѣ, управляемом фаворитами самодержца, личное усмотрѣніе, само собою разумѣется, является вполнѣ руководящим принципом политики. Печать, к сожалѣнію, забыла только напомнить кстати г.г. заправителям прекрасное заключеніе одной басни Крылова: «друзья, как ни садитесь, а в музыканты не годитесь».

—

*Отношеніе Пермскаго губернатора в Департамент Общих Дѣл
от 6-го іюля 1881 г. за № 335.*

(Секретно).

Вслѣдствіе отношенія ко мнѣ Д. О. Д. от 9-го января сего года за № 14, имѣю честь увѣдомить, что упоминая во Всеподданнѣйшем отчетѣ моем за 1879 г. о том, что в средѣ многочисленнаго населенія горнозаводских мастеровых возникают секты, у которых непризнаніе властей и неповиновеніе им составляют основное начало (против коего мѣста отчета послѣдовала собственноручная Его Император. Величества отмѣтка: обратить на это особенное вниманіе)—я разумѣю слѣдующія секты:

1) Под названіем «неплательщиков», которая возникла в Красноуфимском уѣздѣ во время введенія там крестьянской реформы. Проживающіе в этом уѣздѣ заводскіе мастеровые усвоили своеобразный взгляд на сказанную реформу, сначала отстаивали старые порядки и права, потом стали уклоняться от платежа податей и повинностей и наконец нѣкоторые из них уклоненіе это обратили в религіозное начало, отреклись от всѣх обязательств по отношенію к церкви, обществу и государству и именуют себя сынами Божьими. Послѣдователей означеннаго ученія, как донес мнѣ мѣстный уѣздный исправник, считается нынѣ 25 семейств. Вреднаго вліянія на православных жителей

сектанты эти не имѣют и хотя и не платят податей, но не препятствуют отбирать у них какое либо имущество на пополнение состоящих за ними недоимок в податях: точно также они исполняют и воинскую повинность, ограничиваясь лишь пассивным протестом, указывающим, что они подчиняются лишь принужденію.

2) Под названіем «бѣгуны или странники». Секта эта обнаружена была среди заводскаго населенія сначала в Екатеринбургском, а потом в Верхотурском и Красноуфимском уѣздах. Послѣдователи оной не признают над собой никакой власти, говоря, что в мірѣ царствует антихрист, что какъ власть духовная, так и свѣтская и самодержавная власть суть слуги антихристовы, поэтому им сектантам, какъ православнымъ христіанамъ повиноваться и платить подати еретикамъ не слѣдует. Приверженцевъ означеннаго ученія в настоящее время насчитываютъ около 100 человѣкъ обоаго пола.

3) Под названіемъ «лучинковцы». Эта секта появилась в Екатеринбург. уѣздѣ почти одновременно с сектой бѣгуновъ, но ученію совершенно сходна с ней: приверженцы ея также не признаютъ ни церкви, ни священства, отвергаютъ царскую и всякую земную власть, отправленіе воинской повинности считаютъ за службу антихристу, при богослуженіяхъ своихъ вмѣсто свѣчей жгутъ лучину, отчего и называются лучинковцами, насчитывается ихъ семействъ 15. Пока эти сектанты не проявляютъ своихъ мнѣній какимъ либо внѣшнимъ образомъ, затруднительно предпринимать противъ нихъ какія либо мѣры преслѣдованія. Что же касается до судебныхъ дѣлъ, производящихся о лицахъ принадлежащихъ к означеннымъ сектамъ, то старшій предсѣдатель Казанской Судебной Палаты отношеніемъ от 29 числа прошлаго апрѣля за № 6294 увѣдомилъ меня, что когда послѣдуетъ по дѣламъ симъ окончательное опредѣленіе Палаты, то мнѣ будетъ сообщено особо, но увѣдомленіе о томъ мною еще не получено.

Губернаторъ Я. Энакіевъ.

ПѢСНЯ БАНДУРИСТА.

Ой слушайте, послушайте
 Ві старіі старикі,
 Чоловікі й парубкі
 [9] І усі добрі люде.
 Того діла, того дива
 Ой слушайте, послушайте
 Да думайте да гадайте
 Долю й волю здобувайте.

Ой хвалися-жъ да царь Александро,
 Що боровить бог его іод наглоі смерти,
 Аж бог судив ему
 За добріі діла, за батькови гріхи
 Да й нагло померети.

У Пітері на Івдокію святую,
 Що убогімъ помогала,
 Що рабівъ своихъ на волю пускала
 Да кінута бомбу, да кінута й другу,
 Скальчено царя, вчинено наругу.

Ой лежить же да царь Александро
 На золотому ложу,
 Да лежить безъ нігъ окрававленний
 Да лежить, умірае...
 Да до себе сина своего найстаршого
 Прикликае, промовляє...

Ой слушайте, послушайте
 Ви старіі старикі—
 Чоловікі й парубкі
 І усі добрі люде
 Того діла, того дива.
 Ой слушайте, послушайте,
 Да думайте, да гадайте
 Долю да волю здобувайте.

«Ой сину-ж мій, сину,
 Любая дитино!
 Превелике диво

Зараз я видав:
Святий господь у неба
І божая мати
Зглянулись на мене,
Да на мої мукі,
Да на мої тажкі.
Святчй Христос з неба
Ще й божая мати
В облаці явилисьь
Перед мої очі.
Гріхи мої тяжкі
За народ трудящій,
За то й народ темний
Мині одпустили...»

«А тобі мій сину,
Заповіт дати повеліли.
Коли хочеш сину
Ти так царювати,
Щоб вороженьків з народу свого
По царству не ймати
Треба ж тобі, сину,
Про людей убогих
Да про людей темних дбати;
Од людей богатих,
Неситих, лукавих,
Іх обороняти.
Да у людей убогих
Податей не брати,
А брати з достатніх;
Усім хліборобам
Землі вволю дати
|А всіх людей темних
По школах павчати,
Щоб ім слово боже,
Щоб ім слово правди
Познати...»

«Да коли хочеш, сину

Все тее вчинити
Треба ж тобі, сину,
Усіх наших служок
Неситих, лукавих да од себе сторонити;
А з усеґо царства
Людей разумніших,
Народом зібраних,
На раду позвати».

Усе тее промовив,
Тайну христову прийняв,
Помирив.

Ой, як ставь же да новій царь царювати,
Да став він потроху батьків заповіт забувати,
Да став своїх служок неситих, лукавих послухати.
А людей правдивих, для народу щирих
У неволю тяжку, в сибірну роботу забивати.
Ой що-ж с того буде, святий господь знае,
Святий господь знае, на що уповае
Царь-господарь новий. (*)

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Из Саратовской губ.

В моем письмѣ *) я сообщил о первом впечатлѣніи, произведенном у нас событіем 1 марта. За лѣто я ближе познакомился с нынѣшним настроеніем крестьянства наших мѣст и его мечтами.

Событіе 1 марта в глазах мужика есть новая жестокая обида, нанесенная ему помѣщиками; новый великій грѣх они взяли на свою душу. Сознаніе необходимости передѣла земли, в послѣдніе годы значительно обострившееся, получило новый толчок послѣ 1-го марта; горячѣе заговорили о нуждѣ послѣ того, как за это убит был царь. Лѣтом назначались даже извѣстные ближайшіе сроки этого передѣла, подробно рисовались для него способы. Всѣ эти способы носили на себѣ отпечаток мѣстных экономических отношеній. Во всѣх них, как и прежде, играет главную роль царь. Так еще сильна в народѣ традиція и отсутствіе само-

*) № 3 Ч. II.

дѣятельности. Нынѣшній царь с самаго своего воцаренія считается барским, и добра от него крестьянство не ждет. Теперь, говорят они, царь будет выбираться только на 3 года. Не смотря на это, народ не выработал еще новых способов реализаціи своих желаній без участія царя. Он считает свои мечты столь законными и естественными, что не может допустить со стороны царя пассивное или неблагоприятное к ним отношеніе. Его обязывает самое положеніе, как представителя высшей справедливости на землѣ, стать на сторону крестьянства в этом дѣлѣ, хотя-бы он сам лично и был против этого.

Однако в настоящее время в деревнѣ уже можно найти почти всѣ данныя для выработки новых путей к реализаціи народных желаній без участія царской власти, и нам вѣроятно скоро придется быть свидѣтелями этого. В самом дѣлѣ крайняя нужда дѣлает желанія народа болѣе страстными, не терпящими отлагательства, замѣтно увеличивающаяся непопулярность настоящаго царя и, наконец, масса новых, порождаемых жизнью явленій, подчас для крестьянина совершенно непонятных, но подрывающих его традиционную надежду, производят в его головѣ ужасный хаос и возбуждают мучительно-неодолимое желаніе разобраться, привести все к одному знаменателю. В этом дѣлѣ, дорогие товарищи, мы можем явиться в данное время необходимыми помощниками для мужика. Теперь уже надежды переносятся на Владиміра, настоящаго-де крестьянскаго царя, он-де-устроит крестьянское царство. При этом ждут всетаки передѣла в самом скором времени.

В одной мѣстности, гдѣ живет много помѣщиков, старик крестьянин рассказывал мнѣ с большим увлеченіем, что царь уже рѣшил взять у помѣщиков всю землю, дать из нее всему крестьянству десятины по 10, а излишек сберегать для малолѣтних. Помѣщикам же за это казна заплатит по всей справедливости. Вскорѣ мнѣ пришлось побывать в сосѣднем уѣздѣ и при разговорѣ с знакомыми мужиками я передал им слышанное от старика. Собесѣдники мои отнеслись к этому слуху очень неодобрительно и один из них стал мнѣ доказывать, что выкуп платить казна совсѣм не должна, потому что вѣдь это с них же пойдет и при этом прибавил, что покойник царь хотѣл не так сдѣлать. Он ввел воинскую повинность с тѣм, чтобы всѣ счита-

лись казаками и получили казачье земельное положеніе т. е. по 15 д. на всякаго отбывающаго воинскую повинность.

— Ну а каюже купцы да господа, спросил я.

— И они также. Будет, полакомились царской землей. Он и их заставит служить, чтобы они также могли взять себѣ по 15 десятины; одним словом, чтобы все было по справедливости.

Я постарался об'яснить моим собесѣдникам, что воинская повинность есть новая царская несправедливость против крестьянства. Оказалось, что им были совершенно неизвѣстны всѣ условія льготы, клонящіяся под разным видом на пользу правящих классов, и видимо очень их смутили; как будто была разбита еще одна неприятная иллюзія.

— Эх, темнота наша проклятая, проговорил один послѣ нѣкотораго раздумья. Не с'умѣешь разобрать, что тебѣ дают, хлѣб или камень!... Вот он покойник, царствіе ему небесное, уж кажется, радѣл об нас и помер то за это, а все же для нас настоящаго, почитай, ничего не сдѣлал. Все это треклятые мѣшали ему, да мутили его. Глупые мы, вот что. Возьми для примѣра, ужь какой нонѣ царь, совсѣм для нас пустой, а мы и на него надѣемся! Что подѣлаешь, такая ужь наша глупость!

Я рассказал в кратких словах об аграрной борьбѣ в Ирландіи, к которой слушатели мои отнеслись с большим интересом. Видно было, что такая борьба им по сердцу, была для них понятна и естественна.

В другой мѣстности, гдѣ также много помѣщиков, но кромѣ того есть большіе участки казенной земли, крестьяне ожидают общаго передѣла нынѣшнею осенью по уборкѣ хлѣба в слѣдующем видѣ. Сначала казна выкупит у крестьян всю землю и, соединивши ее с казенною, будет давать каждому, желающему заниматься землею, по 6 десятины за деньги в разсрочку на 20 лѣт; кромѣ этого платежа не будет никаких податей. Помѣщиков у нас, говорят крестьяне, можно не трогать потому самому, что земли нам пока достанет и без ихней, а потом они сами отдадут землю в казну за безценок, потому что самим им всю землю не обработать, а мы им работать ужь не станем.—

Наконец мнѣ пришлось слышать и самыя умѣренныя желанія. Так напр., в степной части нашего уѣзда, наполненной наѣзжим купечеством, ходят упорные толки о том, что царь

велѣл сдавать по дешевым цѣнам, как казенную, так и владѣльческую землю исключительно крестьянам, а купцам не смѣть и носу туда показывать.

В прежніе годы и вообще до 1-го марта мнѣ не приходилось видѣть такого сильнаго броженія в деревнѣ, такой массы разнообразных толков на одну и ту-же излюбленную тему; ловят всякій печатный лоскут и деревенскіе грамотѣи выискивают в каждой фразѣ, касающейся крестьян, намеки на близкій переделъ земли. Прячут эти лоскуты от своего начальства, потому что нынче запрещают, мол, говорить об этом на улицѣ, просят добраго человѣка порастолковать им написанное. Под вліяніем этого оживленія деревенской жизни, под вліяніем такого, можно сказать, страстнаго обостренія народных желаній, нынѣшним лѣтом была у нас масса отказов работать у помѣщиков по зимним наймам, что прежде случалось сравнительно очень рѣдко, не смотря на большіе урожаи против этого года. Помѣщики с своей стороны еще больше раздражали народ своим до возмутительности насильственными мѣрами. Мѣстный предводитель именитаго дворянства устроил даже у себя в имѣніи при помощи губернатора жестокую экзекуцію всѣх, нарушивших зимнія условія; наковы вообще эти условія вѣроятно извѣстно каждому. При их помощи помѣщик берет с крестьян больше 400% за ссуженныя зимою деньги. Крестьяне мотивировали свой отказ работать царским приказаніем убрать сначала свои хлѣба; «а там, коли успѣх возьмет, отчего и помѣщику не поработать», говорят они.

Вообще теперь крестьянство представляет почву для воздѣйствій много благодарнѣе прежних лѣт. Ко всякому новому человѣку крестьянин присматривается с цѣлью узнать, можно-ли пораспросить его о своих дѣлах и если только за это хоть что нибудь говорит в поведеніи этого новаго человѣка, то крестьянин готов перед ним выложить душу и до глупости вѣрит всяким рассказам, касающимся его судьбы. Особенно сильно на него дѣйствуют рассказы прохожих, бывавших в Питерѣ или Москвѣ. В послѣднее время мѣстное начальство относится очень враждебно ко всяким прохожим, и надо удивляться, как ловко крестьяне укрывают и потом провожают из деревни интересных для них рассказчиков. Я убѣжден, что в настоящее время работа социалиста, какой бы он ни был фракціи, крайне нужна деревнѣ

и была бы весьма успѣшна; народная жизнь указывает так опредѣленно, что нужно и что можно здѣсь дѣлать, что всякая принципиальная рознь здѣсь не имѣла бы мѣста, если только человѣкъ захотѣл-бы работать. В такую важную историческую минуту народной жизни нас здѣсь в деревнѣ так мало, что, право, берет отчаяніе подчас, особенно когда вспомнишь, что социальное-революціонное движеніе существует у нас чуть ли не 15 лѣт, что за это время так много жертв было принесено, а народ так мало знает своих борцов. Ужь если гибнуть, то гибнуть здѣсь в деревнѣ среди народа в борьбѣ за его желанія, за его будущность. Какая бы была от этого громадная польза для общаго нашего дѣла, особенно теперь во время столь сильнаго народнаго броженія!

Здѣсь, дорогіе товарищи, вас встрѣтит не та почва, какая была в началѣ 70-х годов, да и вы теперь, сдѣлавшись опытнѣе, придете сюда с болѣе опредѣленною [11] и болѣе близкою к народу программю, чѣм это было во времена общаго увлеченія хожденіем в народ, и, конечно, это послужит великим залогом успѣха вашей дѣятельности.

Из Елизаветградскаго уѣзда.

В этом письмѣ я намѣрен подѣлиться с читателем впечатлѣніями, какія сложились у меня под вліяніем анти-еврейскаго Движенія, проявившагося в нашей мѣстности нынѣшним лѣтом. Первый, самый естественный вопрос: каковы причины даннаго движенія? При настоящем строѣ жизни, гдѣ установились самыя ненормальныя отношенія между отдѣльными элементами общества, гдѣ громадное большинство, вѣчно угнетаемое, пробивается изо-дня в день, а меньшинство, насчет других, пользуется всѣми благами жизни, при таком строѣ, говорю я, роковым образом должно существовать недовольство... Совершенно естественно также, если люди недовольные ищут себѣ исхода, требуют удовлетворенія, и понятно, что масса, не имѣя для борьбы ничего, кромѣ силы физической, при заявленіи о своем существованіи, должна употребить в дѣло именно эту силу. В движеніи, о котором идет рѣчь, я и вижу проявленіе силы народа, как протест против

своего ненормального положенія. С перваго разу кажется странным, почему движеніе приняло такой узкій характер и нѣсколько уродливую форму, почему оно направлено было в одну только сторону; если это протест эксплуатируемаго против эксплуататора, то вѣдь рядом с эксплуататором евреем стоит такой же и не еврей; но стоит взглянуть поближе в жизнь еврея и не еврея (на югѣ по крайней мѣрѣ), чтоб легко себѣ объяснить это явленіе. Еврей на пиру жизни, если можно так выразиться, слишком развязный гость и поэтому он рѣзче выдѣляется, бьет, так сказать, в глаза всѣм прочим гостям. Поставьте рядом купца еврея и купца русскаго. И тот, и другой орудуют, положим, извѣстным одинаковым капиталом,—окажется, в большинствѣ случаев, что у перваго дѣла идут бойчѣе, у него рубль дѣлает болѣе быстрые обороты; сверх того будучи по природѣ своей живѣе и поворотливѣе, он шумит больше—он поэтому и выдѣляется рѣзче. Затѣм, в силу извѣстных исторических условій, несомнѣнно существует національно-религіозная ненависть русских к евреям—это фактъ неоспоримый.

Таким образом, еврей-эксплуататор, рѣзко выдѣляясь среди прочих эксплуататоров, ясное дѣло, должен был первый сдѣлаться козлицем отпущенія. Вѣдь еврея вообще не долюбивают, его лишили даже той минимальной дозы прав человѣческой личности, какими русское государство наградило своих вѣрно-подданных вообще; еврей, таким образом, находится в исключительном положеніи: с одной стороны, он дѣятельно живет, не имѣя прав, с другой стороны, он рѣзко выдѣляется, мозоля всѣм глаза. Как же было массѣ не начать с того, с кого легче было начинать?

Но, спрашивается, дошла ли масса сама до пониманія той роли в жизни, какую еврей играет у нас на югѣ, отличила ли она в нем, как в эксплуататорѣ, худшія черты, чѣм в прочих эксплуататорах? На этот вопрос—отвѣтъ вполнѣ отрицательный. Инициатива движенія принадлежит не ей, а—странным образом—ей же кровопійцам, но не евреям. Посмотрим хотя-бы вскользь, на фактическую сторону дѣла—и подтвердим вышесказанное. На сколько мнѣ извѣстно, дѣло было так. Еще задолго до Пасхи, в одной из южных газет пущен был слух, что во время праздников собираются «побить жидов». Слуху этому прежде всего

«нашло удобным» повѣрить русское купечество и не замедлило пустить его в массу. (Нужно замѣтить, что газета эта, благодаря своему юдофобскому направленію, имѣет массу читателей среди купечества и грамотнаго мѣщанства.) Масса таким образом наэлектризовалась и, повидимому, ждала только повода, чтоб начать свои дѣйствія. Случай скоро представился; произошла драка в кабацѣ еврея... Со всѣх сторон стали стекаться толпы народа; составлялись группы в 20-30 человек и пошли «грабить жидовское добро». Ничего сознательнаго, ничего такого, что бы напоминало собой народное движеніе во имя какой нибудь идеи—ничего этого нельзя было подмѣтить; можно было видѣть в нем протест, но протест вполнѣ безотчетный. Ни строгой системы дѣйствій, ни выдержки—ничего, били, что называется, вкривь и вкось: пострадал и ремесленник, и бѣднякъ... Да так на самом дѣлѣ и должно было быть, потому что во главѣ движенія стали элементы, чуждые народу, которым нужно было «насолить» конкуренту-жиду—но и только; об интересах же народа они и не думали. Не удивительно, конечно, что масса, голодная и нищая, принимает на себя роль исполнителя, не спрашивая, как и почему.

И так купечеству и отчасти мелкому чиновничеству легко удалось поднять массу против «жида». Но удивительно, как эти господа не подумали о послѣдствіях затѣваемой ими игры. Они, очевидно, совсѣм упустили из виду, что послѣ такого толчка масса может прійти к сознанию, убѣдиться, что интересы ея жизни совсѣм не в избіеніи «одного только» жида. Да, это обстоятельство они совсѣм упустили из виду; между тѣм на самом-то дѣлѣ есть уже указанія на то, что масса начинает себѣ выяснять свое настоящее положеніе. Уже скоро послѣ прекращенія первых беспорядков, слухи об избіеніи стали вновь повторяться, причем носили на себѣ нѣсколько иной характер—раздавались уже голоса в родѣ того, что нельзя ограничиваться одним только «жидом», пора добратся и до русских. (Во время беспорядков в Одессѣ разбиваются уже и русскіе магазины.) Паника, существовавшая прежде среди евреев, охватывает и других. Словом, движеніе начинает яснѣе очерчиваться, масса теперь [12] только как будто начинает себѣ выяснять мотивы как прошлых, так и будущих дѣйствій. Мы пришли таким образом к заключенію, что этот первый, чисто стихійный, толчок, послужил массѣ на

пользу в смыслѣ сознанія своихъ собственныхъ силъ, имѣл, значит, чисто воспитательное значеніе. У насъ подъ руками имѣются два факта, очень ясно, кажется, иллюстрирующихъ нашу мысль. Вотъ они. Какой-то пьяный, забранный въ полицію (причемъ нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ городовому), скорспостижно тамъ умер. Съ быстротой молніи разнеслась молва по городу, что полиція убила человѣка. Вслѣдъ за этимъ пронесся и другой слухъ, что въ такой то день полиція будетъ разнесена. Ну, конечно, со стороны начальства были приняты всякія «мѣры»: пѣшіе и конные патрули, жандармы и проч. Но и народъ не дремал. Къ назначенному дню на одной изъ главныхъ улицъ (тамъ же и полиція) собралась такая масса народа, какой эта улица никогда не видывала. Но толпа простояла почти весь день, какъ-бы выжидая повода, и ничего не предпринимала. Недоставало, очевидно, того смѣльчака, который-бы первый выступил... Тѣмъ дѣло и кончилось.—Не обошлось безъ демонстраціи и судебно-медицинское вскрытіе умершаго. Не смотря на дождь, пріемный покой, говорят, окружала толпа человѣкъ въ 300. Врачи и начальство порядкомъ перетрусили, въ особенности, когда нѣкоторые изъ понятыхъ, присутствовавшихъ при вскрытіи, ни въ чемъ не хотѣли согласиться съ врачами, твердя только, что имъ доподлинно извѣстно безъ всякаго вскрытія, что полиція убила умершаго, а другіе, не стѣсняясь, выражали свое недовольство по поводу того, что рѣжутъ человѣка. Но и тут, говорят, все обошлось «благополучно».

Другой случай. Дворникъ побилъ жену на улицѣ. Явившійся городской хотѣлъ забрать его въ участокъ, но былъ жестоко избитъ тотчасъ образовавшейся толпой. Такая же участь постигла еще нѣсколькихъ городскихъ и околоточнаго, явившихся на мѣсто происшествія. Дворника отбили при крикахъ: «не давайте братьцы, тамъ людей убиваютъ».

Такого активнаго проявленія недовольства, хотя-бы въ такой формѣ, можетъ быть и не случилось-бы, еслибъ раньше масса не испытала своихъ силъ на антиеврейскомъ движеніи.

Вслѣдъ за появленіемъ движенія въ городахъ, какъ извѣстно, началось движеніе и въ деревнѣ. Нося здѣсь такой же характеръ, какъ и въ городахъ, оно тѣмъ не менѣе рѣзко обнаружилось, во что собственно имѣетъ переродиться въ недалекомъ будущемъ. Въ деревнѣ, гдѣ евреевъ или очень мало, или совсѣмъ нѣтъ у насъ на югѣ, гдѣ они

фигурируютъ большею частью въ качествѣ шинкарей, понятное дѣло, не могло быть такого спеціальнаго движенія, какъ въ городѣ. Какая-нибудь деревня, покончивъ съ своимъ «Ицке» или «Мошко», не удовлетворялась уже этимъ; она, проснувшись, жаждала еще чего-то, и взоры ея обратились опять-таки на того, кто ближе всего къ ней стоитъ—на помѣщика. Еврей «шинкарь» не можетъ составлять для мужика большой приманки, тѣмъ болѣе, что большинство шинкарей—отчаянные бѣдняки, а главное—не владѣютъ тѣмъ, чего недостаетъ мужику—землею. «Жид» тут, такимъ образомъ, уходитъ на второй планъ, и мы слышимъ то тут, то тамъ появляются довольно недвусмысленныя притязанія на владѣніе помѣщичьей землей. По этому поводу намъ извѣстенъ цѣлый рядъ фактовъ. Въ одной деревнѣ крестьяне ворвались къ помѣщику въ домъ и требовали, чтобы тотъ отказался отъ земли въ ихъ пользу, но помѣщику удалось улизнуть въ ближайшій городъ и дать знать кому слѣдуетъ. Въ другой деревнѣ крестьяне предлагали помѣщику подѣлиться съ ними землей по р о в н у и, такъ какъ онъ грамотный, занять мѣсто писаря; въ третьей—крестьяне указывали помѣщику на бумагу, полученную въ волости о передѣлѣ земли; въ четвертой—крестьяне испортили помѣщичьи посѣвы; въ пятой—сожгли хлѣбъ и проч. и проч. Словомъ сказать, деревенскій мужикъ гораздо скорѣе своего-же собрата городского понялъ, въ чемъ именно суть... Значительно способствовали этому аграрному движенію прокламаціи, ходившія лѣтомъ въ большомъ количествѣ,—это несомнѣнно; но нельзя имъ приписать то первенствующее значеніе, какое, по нашему мнѣнію, принадлежитъ въ данномъ случаѣ именно анти-еврейскому движенію.

Изъ Симбирской губ.

Понятно, что событіе 1-го марта произвело значительное впечатленіе въ деревнѣ. Прислушиваясь къ крестьянскимъ толкамъ, можно замѣтить большое разнообразіе въ объясненіяхъ причинъ царевубійства. По мнѣнію большинства крестьянъ, а особенно въ мѣстностяхъ глухихъ, отдаленныхъ отъ городовъ и гдѣ почти отсутствуютъ отхожіе промыслы, причиною смерти царя помѣщики. Они, какъ говорятъ мужики, убили царя за то, что онъ хотѣлъ дать

мужикам настоящую волю, отобрать от помѣщиков всю землю и передать крестьянству. Убѣжденіе это въ некоторых мѣстностях так сильно и так взволновало населеніе, что во многих селах крестьяне намѣревались убить ближайших помѣщиков, как своих заклятых врагов. За убійство царя новый царь всѣх господ, принимавших участіе въ этом злодѣяніи, развѣшал на верстовых столбах от Петербурга до Москвы. Такой участи, между прочим, подвергся, по мнѣнію крестьян, и граф Орлов-Давыдов, владѣющій, как извѣстно, всей Самарской лукой. Всю же землю у казенных царь отобрал и послѣ коронаціи передаст мужикам. Поэтому крестьяне съ нетерпѣніем ждут этого дня.

Люди религіозные об'ясняют смерть царя наказанъ[13]ем божіим за его грѣх—женитьбу на Долгорукой, чего он, как помазанник божій, не должен был дѣлать. До этого бог хранил царя от всѣх покушеній, но лишь только он женился, то погиб послѣ перваго же на его жизнь покушенія.

Весьма немногіе из народа поняли дѣйствительный смысл цареубійства. Мнѣ извѣстно только одно село, недалеко от губ. города, гдѣ крестьяне совершенно правильно об'яснили себѣ событіе 1-го марта, как это можно видѣть из слѣдующаго факта, имѣвшаго мѣсто 2-го марта. Когда вѣсть о смерти царя дошла до волостнаго старшины, живущаго в означенном селѣ, то он послал сотника оповѣстить по домам и собирать народ на панихиду о покойном царѣ. Большая часть крестьян на приглашеніе идти помолиться об упокоеніи царской души положительно отказались. На вопросы старшины, почему они отказываются молиться за царя, крестьяне прямо отвѣтили: «зачѣм мы будем молиться за того, кто не дал и не хочет дать нам настоящей воли, о чем наш батька читал прошлым лѣтом в церкви» (Вѣроятно, здѣсь разумѣли они циркуляр Макова). «Мы ужь лучше будем молиться о студенцах, которые хотят для нас настоящей воли».

«Студенцев» крестьяне считают виновниками убійства царя. Сколько я не спрашивал крестьян, кто такіе эти студенцы, ничего положительнаго узнать не мог.

В концѣ лѣта в одном из сел С. уѣзда случился фактъ, стоящій вниманія. Один крестьянин этого села, читающій постоянно газеты и на основаніи газетных извѣстій составившій себѣ по-

нятіе об Исполнительном Комитетѣ, очень увлекся дѣятельностью послѣдняго и желал во что бы то ни стало быть его членом. Не имѣя никакой связи съ кѣм-либо, который бы мог доставить ему знакомство съ членами Исполнительнаго Комитета, и предполагая, что комитет находится в Петербургѣ, он обратился съ просьбой къ своему племяннику, солдату гвардейскаго полка, отыскать Исполнительный Комитет и узнать, каким образом можно поступить въ члены его. Племянник получил письмо и, не умѣя читать, попросил прочесть письмо полковаго писаря. Прочитав, писарь передал письмо офицеру, тот—дальше, и в концѣ концов, приходит къ нам приказаніе арестовать автора письма.

На допросѣ крестьянин на вопрос прокурора, чѣм занимается, об'яснил: что занимается земледѣліем, но хочет скоро бросить это занятіе и поступить въ члены Исполнительнаго Комитета, при чем об'яснил, как понимал, дѣятельность его довольно близко къ истинѣ.

Крестьянин этот и до сих пор еще содержится в одиночном заключеніи.

Из Тамбовской губ.

В настоящей корреспонденціи я постараюсь передать, по возможности кратко, все, что удалось мнѣ слышать и видѣть прошлым лѣтом в Козловском уѣздѣ; впрочем, одни и тѣ-же ожиданія и слухи, аналогичные случаи аграрнаго протеста имѣли мѣсто в уѣздах Липецком, Усанском и Борисоглѣбском, о которых у меня имѣются свѣденія, однако, не столь полныя.

Никогда народ не высказывал такой твердой увѣренности, что вот-вот настанет давно желанная нарѣзка земли, как в прошлое лѣто.

— Погляди-ка, говорил мнѣ мужик-пріятель, подавая бумагу,—вот она бумага-то; вот когда земля-то наша! Бумага оказалась самая пустая из земства; когда я об'яснил, что это за бумага, мужик, постоявъ в раздумьи, сказал: «вот вѣдь оказія-то! а мы, братец ты мой, так всем міром порѣшили, что это приказ, чтобы, значит, от барыни къ нам земля отходила; уж мы промежь себя подѣлили, сколько кому дать земли-то; мы и ренды барынѣ

не собрали». Другой меня увѣрял, что в волостном правленіи «бумага» пришла, только до времени не велѣли об'являть;—что это всѣм извѣстно, а передал под секретом писарь. Земли ждут с часа на час, самый ничтожный повод, появленіе какой-нибудь бумаги, служит для крестьян признаком, что настала наконец, давножданная минута.

— Как придет к нам царскій указ, говорили мнѣ в одной деревнѣ—землю сейчас всю в казначейство возьмут и будут оттуда раздавать ее, словно в аренду, по 8 дес. на душу и в ярлыках пропишут, что, дескать, я, к примѣру, на три души земли взял, другой там на двѣ, или на одну, и будут раздавать, братец ты мой, только тому, кто сам станет землю пахать и чтоб все своей семьей справил, а батраков не держал бы, да тогда, почитай, никто в батраки-то не пойдет. Так-то, мой милый, ужь это доподлинно так будет.—

Никогда прежде в народѣ не появлялось столько богомольцев и странников, расхаживающих из села в село, как в прошлое лѣто; всѣ они предсказывали скорую «общественную дѣлежку»; и глубоко западают их слова в душу крестьянина, и как крѣпко он вѣрит им...

— Да, соколики ты мой, говорила мнѣ 80 лѣт. старуха, дождались мы времячка; ужь когда про землю стали и божіи люди говорить, стало быть этому скоро быть. Вот и пред волей, много тоже этих людей божіих ходило. Помни, как один вон под той лозиною мужикам говорил: из вас, говорит, может, и много помрет, свѣту божьяго не увидит, ну а дѣти ваши безпремѣнно от этих кровопивцев освобонятся; чтожъ, соколики ты мой, вѣдь правда истинная вышла. Так вот и насчет земли: все будет безпремѣнно, как они говорят.—

Большинство ждет земли от царя; он должен прислать указ. Однако вѣра в царя не поголовная, не [14] всеобщая; в молодежи она почти незамѣтна; да и в старом поколѣніи, бывшем крѣпостном, мнѣ приходилось встрѣчать людей, окончательно раздѣлавшихся с идеей царизма, хотя таких не много. Это обыкновенно люди и по способностям и по развитію своему стоящіе выше окружающей их среды; они пользуются большим вліяніем на односельцев. Это люди, которых на міру зовут «умственными». Знаю я, напримѣр, одного старика, который дошел до сознанія,

что лучше будет, если царь будет выборный на срок. Свести царя на такое положеніе, по мнѣнію старика, можно одним средством—всеобщим бунтом. Как натура живая и энергичная, старик постоянно пропагандирует свои идеи, и работа его не остается без успѣха: послѣ 1-го марта один из его односельцев обратился ко мнѣ с таким вопросом: «А скажи, на что нам царь? и гдѣ-жъ новому царю, к примѣру, как землю отдать. Вон как, вишь, испужался батюшка, что из Питера куда-то в высылки уѣхал (в Гатчину); в свою столицу носу показать боится. Я мужик и то хожу вольнѣй... чего от эдакого дождешься? ужь коли сам себя огородить не может, куда тут о других думать!» И не от одного только, а от многих других крестьян приходилось мнѣ слышать подобное разочарованіе во всемогуществѣ царя.

Вот тѣ ожиданія, тѣ вопросы, которые волнуют теперь сильнее, чѣм когда либо, крестьянскій мір.

Чѣм же проявил себя народ фактически? т. е. чѣм отвѣчал он на безсовѣстную эксплуатацію землевладѣльцев и кулаков?—Увы, то блаженное для паразитов время «когда народ, безсильный пред нуждою, ярмо, как вол, безропотно сносил»—прошло! На грабеж он отвѣтил аграрным террором, настолько энергичным, что гг. землевладѣльцы буквально в звыли. С особенной силой террор проявлялся в формѣ поджогов и возвышенія цѣн на работу во время страды. Поджоги—это самая привычная форма народной самообороны. За прошлое лѣто их произошло столько, что и не перечтешь. Опишу случай, наиболѣе выдающійся. Помѣщика Головина ужь года три жгут систематически послѣ уборки, когда хлѣб стоит еще на гумнѣ; из двух имѣній его выжили окончательно, ибо ни одно страховое общество не рѣшается страховать у него ни построек, ни хлѣба; и всѣ старанія отыскать поджигателей остались безуспѣшными. В результатѣ вышло, что барину пришлось оставить собственное хозяйство и сдать землю в аренду тѣм-же мужикам, которые его поджигали, и за плату самую умѣренную, ибо ни один кулак не рѣшался снять его землю, потому, мол, «народ ужь оченно разбойник стал».

Возвышеніе цѣн за уборку хлѣба—новая, в прошлое лѣто первый раз испытанная форма аграрной борьбы. В уѣздах Козловском, Липецком, Уманском и Борисоглѣбском крестьяне отказывались исполнять условія найма, заключенныя с осени. Они

основывались на том, что будто в Салтыках—большое торговое село—вывѣшана таблица от царя, в которой сказано, что менѣ 20 руб. за уборку (т. е. сжать и связать) десятины брать не приказано, а больше—сколько угодно. Этот слух держался так упорно, что властям пришлось во многих деревнях об'яснять, что никакой таблицы от царя нѣт. Раз'ясненія эти мужики истолковали, конечно, по своему: «баре, извѣстно, за своих и стоят!» В нѣскольких сосѣдних селах в Липецком уѣздѣ послѣ подобных начальственных раз'ясненій на сходах составилось рѣшеніе: не брать менѣ 40 руб. за уборку десятины, а кто отступит, того всем міром выпороть, «чтобы міра не продавал», и продажа міра не случилось; иные землевладѣльцы рѣшились дать такую громадную цѣну, а у многих хлѣб так и остался неубранным.

Возвышеніе цѣн на работу—факт крайне важный: во первых, потому, что количество кабальных «осенних» контрактов значительно уменьшится: урожай был порядочный, а лѣто дало хорошіе заработки; и во вторых—и это самое главное—мужик в первый еще раз попробовал предписать землевладѣльцам условія наемки лѣтом, как привык землевладѣлец предписать их мужику осенью, и попробовал исполнѣть успѣшно...

Старик, о котором я упоминал выше, говорил мнѣ по этому поводу слѣдующее: «Теперь ужь не вернуть барам прежних цѣн; дай-ка, на будущее лѣто мы их не так еще угостим! это вѣдь вышло так, невзначай, без сговору, ну а теперь за зиму то можно будет столковаться, примѣрно, нам всѣм в окружности, сколько за какую работу брать; ужь об этом, я слышал, много народу поговаривает». Всеобщее возвышеніе цѣн народ стремится обратить в систематическое средство борьбы против землевладѣльцев, практиковать это средство также, как до сих пор практиковал он только поджоги.

Мнѣ не раз приходилось толковать со многими крестьянами о том, как практически организовать значительную земельную стачку. В этих об'ясненіях встрѣчается весьма много важнаго, что необходимо, по моему мнѣнію, принять в соображеніе группѣ, желающей дѣйствовать в народѣ. Но за недостатком мѣста—об этом в другой раз.

На 9 страницѣ пропущено: (*) Пѣсня эта с весны нынѣшняго года получила значительное распространеніе в средѣ малорусскаго населенія.

Отчет о суммах, поступивших в редакцію «Ч. П.»

От Гайкан—100 р.; от С П А—285 р.; от Гайкин—30 р.; А. В. С.—200 р.; от *.*—50 р.; от Н. Н.—25,590 р.; из АВ.—100 р.; из р. б.—150 р.; от П—цев—30 р.; от радикса—400 р.; от Р.—65 р.; от Чр. бр.—33 р.; от неизвѣстной—500 р.; от прѣзжаго—350 р.; от юнкеров—58 р.; от офицеров—29 р.

С.-Петербург, Тип. Общ. «ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ» 24 декабря 1881 г.

V

Мн: 22532

Р. 1952 г.
Ант № С-419/1

Чен
3-4
2/4 5248

1900

